

НАУМ
СИНДАЛОВСКИЙ

*Словарь
петербуржца*

ЛЕКСИКОН СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наум Александрович Синдаловский

Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность

*Текст предоставлен издательством
Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность.:
Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05162-2*

Аннотация

Новая книга Наума Александровича Синдаловского наверняка станет популярной энциклопедией петербургского городского фольклора, летописью его изустной истории со времён Петра до эпохи «Питерской команды» – людей, пришедших в Кремль вместе с Путиным из Петербурга.

Читателю предлагается не просто «дополненное и исправленное» издание книги, давно уже заслужившей популярность. Фактически это новый словарь, искусно «наращенный» на материал справочника десятилетней давности. Он по объёму в два раза превосходит предыдущий, включая почти 6 тысяч «питерских» словечек, пословиц, поговорок, присловий, загадок, цитат и т. д., существенно расширен и актуализирован реестр источников, из которых автор черпал материал. И наконец, в новом словаре гораздо больше сведений, которые обычно интересны читателю – это рассказы о происхождении того или иного слова, крылатого выражения, пословицы или поговорки.

Содержание

Словарь петербуржца: вчера и сегодня	5
Предисловие автора к I-му изданию	14
Предисловие автора	15
Часть I. Петербургское слово	17
Неофициальные названия	17
А	17
Б	21
В	33
Г	40
Д	49
Е	62
Ж	63
З	65
И	69
К	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наум Синдаловский

Словарь петербуржца.

Лексикон Северной столицы.

История и современность

© Синдаловский Н. А., 2014

© ООО «Рт-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Словарь петербуржца: вчера и сегодня

Признаюсь: когда издатели этой книги обратились ко мне с просьбой написать к ней предисловие, я был несколько озадачен. В самом деле, к первому изданию словаря петербургского фольклора Н. А. Синдаловского я двенадцать лет назад уже предисловие писал и опасность повторения написанного меня не на шутку смущала. Тем не менее, хорошо зная неутомимость автора этого словаря в поисках нового материала и его любовь к нашему городу, я принялся за чтение предложенного мне второго издания и прочитав его, с удовольствием выполняю просьбу издательства.

Действительно, сейчас читателю предлагается не просто «дополненное и исправленное» издание книги, давно уже заслужившей популярность. Фактически это – новый словарь, искусно «нарощенный» на материал справочника десятилетней давности. Во-первых, по объему эта книга в два раза превосходит предыдущую, включая более пяти тысяч «питерских» словечек, пословиц, поговорок, присловий, загадок, цитат и т. д. Во-вторых, существенно расширен и актуализирован реестр источников, из которых Н. А. Синдаловский черпал материал. В-третьих, существенно переработаны и приобрели более стройный лексикографический силуэт некоторые разделы книги – особенно инновативный раздел о фразеологии. В-четвертых, более дипломатичным стал раздел о прозвищах и кличках известных петербуржцев при увеличении их яркого словника. Наконец, в новом словаре предлагается гораздо больше тех сведений, которые обычно читателя особо привлекают, – рассказов о происхождении того или иного слова, крылатого выражения, пословицы или поговорки.

Все это делает новую книгу Н. А. Синдаловского популярной энциклопедией петербургского городского фольклора, летописью его устной истории со времен Петра до эпохи «Питерской команды» – людей, пришедших в Кремль вместе с Путиным из Петербурга.

Рекомендуя читателю эту книгу, постараюсь привлечь внимание к некоторым ее аспектам, представляющим, как кажется, особый интерес.

Как уже сказано, фольклорная энциклопедия Н. А. Синдаловского опирается на внушительное число источников – около 250, не считая многочисленных информантов, устно предоставивших автору разнообразные сведения о петербургском фольклоре. В новое издание добавлены как периодические издания типа «Народ мой», «Мой район – Фрунзенский», «Петербургский дневник», «Альманах краеведческого клуба „Терийоки“», так и масса краеведческой, исторической, справочной, художественной и иной литературы разного рода, например: Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф. «Форты Кронштадта» (СПб., 2004), Бердников Л. «Шуты и острословы» (М., 2009), «Евреи в ливреях» (М., 2009), Богданов И. Н. «Лахта. Ольгино. Лисий Нос» (СПб., 2005); «Американский кабинет Иосифа Бродского» (СПб., 2006), История Петербурга (СПб., 2005), Клепикова Е. «Отсрочка казни» (М., 2008), Кочергин Э. «Ангелова кукла. Рассказы рисовального человека» (СПб., 2006), Кушлина О. Б. «Страстоцвет, или Петербургские подоконники» (СПб., 2009), Ерофеев А., Валдин В. «Неформальная карта Питера» (СПб., 2012), Ржевский Н. Н. «Простая история. Рассказы и очерки» (СПб., 2005), Ханович В. «Мысли советского мещанина» (СПб., 2009) и мн. др.

В I-й, самой обширной части – «Петербургское слово» собран весьма разнообразный материал ономастического рода, прежде всего неофициальные названия и наименования и прозвища и клички. Впечатляет само количество перифрастических наименований главного объекта описания – Петербурга-Питера:

Ворота в Россию; Вторая столица; Второй Париж; Гидасповбург; Город белых ночей и черных суббот; Город, выстроенный на костях; Город дворцов и примкнувшей к ним культуры; Город на Неве; Город, по тротуарам которого прошла вся русская литература;

Город смерти; Город трех революций; Град обреченный; Град Петра; Дюфонтания; Колыбель революции; Красный Петроград; Красный Питер; Ленинбург; Лёнинград; Ленноград; Ленинградский Петербург; Маленькая деревня; Мертвый город; Младшая столица; Музей под открытым небом; Невский парадиз; Нео-Петербург; Невская резиденция; Николоград; Новый Вавилон; Новый Рим; Обе столицы; Окно в Европу; Отпрыск России на мать не похожий; Парадиз; Петроград; Петро-нэпо-град; Петрополис; Петрополь; Петрослав; Питерград; Полковая канцелярия; Последний Петербург; Путинбург; Ретроград; Русские Афины; Сам Петербург; Санкт-Кавказия; Санкт-Питер; Северная Венеция (1); Северная жемчужина; Северная коммуна; Северная Пальмира; Северная столица; Северные полмира; Северный парадиз; Северный Рим; Североград; Снежный Вавилон; Собчакбург; Собчакстан; Советские Афины; Таран революции; Трансобводия; Трансфонтания; Финский Петербург; Царица Балтики; Чертоград; Четвертый Рим; Чиновничий департамент.

Внимательный читатель, следя за комментариями составителя к каждому такому наименованию, может составить мозаическую картину не просто истории нашего города, но и оценку к каждому из этапов его развития самыми разными слоями населения – от официально-патетических воспеваний его славного прошлого до трагикомического, «стёбного», уничижительного снижения стилистических регистров. Не упускает Н. А. Синдаловский и таких попыток переименований Петербурга, как *Александро-Невск* (в середине XIX в.) или *Нео-Петербург* (после 1991 г.).

Точно и со знанием дела квалифицирует автор и координаты различных объектов нашего города, отраженных в ярких наименованиях-перифразах: *Аллеи вздохов, поцелуев и свиданий* – названия трех старинных аллей в Лахте, ведущих к морю; *Бермудская барахолка* – вещевой рынок на территории Апраксина двора; *Дворец пьяноблудия* – название, которым в начале XX в. петербуржцы окрестили недостроенный и ныне не существующий Дворец правосудия на Марсовом поле, превращенный в скейтинг-ринг с ночным рестораном; *Мерзкий проспект* – станция метро «Невский проспект»; *Московские навороты* – станция метро «Московские ворота»; *Охтинская свеча* – нереализованный проект башни «Охта-центра»; *Петербургский Кембридж* – район в Лесном, включающий такие центры образования, как Лесотехническая академия и Политехнический университет (по аналогии с Кембриджским университетом в Англии) и др.

Немало место в этой части занимают и наименования-лексемы: *Мироныч* – стадион им. Сергея Мироновича Кирова на Крестовском острове; *Содовая* – станция метро «Садовая»; *Сундук* – дом политического просвещения; *Туристерия* – Невский проспект, где собрано все, что можно показать туристам; *Холмуши* – воровской рынок возле Обводного канала, с выходом на Воронежскую ул. и Лиговский проспект; *Чапыга* – петербургский телецентр на ул. Чапыгина; *Электросилос* – станция метро «Электросила» и др. Каждый петербуржец легко узнает в таких «переименованиях» официальный прототип и улыбнется пусть и не всегда удачной языковой шутке.

Столь же шутливы, а нередко и иронично ядовиты фольклорные характеристики явлений петербургской жизни в разные ее периоды: *бродскизм* – характеристика нового стиля в советском искусстве – соцреализма среди творческой интеллигенции, по фамилии художника Исаака Бродского; *обнимусы, обнимусь* – названия омнибусов в Петербурге XVIII века, за малую вместимость и тесноту в салоне; *портянки* – ходовое наименование «хрущевок» по фамилии эстонского архитектора Марта Порта, автора первого экспериментального проекта панельных домов; *тюзятина* – характеристика явной халтуры на сцене (от ТЮЗа – Театра юных зрителей); *питерские ананасы* – название соленых помидоров в советское время и др.

Разумеется, одно лишь перечисление такого рода слов и перифраз не дает адекватного представления о всем многоцветии тех сочных характеристик соответствующих явлений и объектов, которые ими выражены. Иное дело, если сконцентрировать их в единый тематиче-

ский или синонимический цикл (как мы это видели на примере наименований Петербурга) – тогда всеми языковыми красками начинают играть оттенки оценочности таких характеристик. Вот, например, такого рода «навороты» вокруг популярного еще в советские времена кафе «Сайгон» на Невском проспекте: *Страна Сайгония* – кафе «Сайгон»; *Сайгонавты* – посетители кафе «Сайгон»; *Сайгония* – молодежь, собиравшаяся в кафе «Сайгон»; *Сайгонщик* – постоянный посетитель кафе «Сайгон»; *Век Сайгона не видать!* – клятва верности, по аналогии с уголовным: «Век свободы не видать»; *Вышли мы все из Сайгона* – так говорили о себе «шестидесятники» (аллюзия на песенную строку «Вышли мы все из народа»); *На одном подоконнике в «Сайге» сидели* – о дружбе и братстве, по аналогии с поговоркой «В одном полку служили»; *У совка агония, вот и пью в «Сайгоне» я* – молодежная поговорка.

Еще большим многоцветием отличается материал, описываемый Н. А. Синдаловским во II части словаря, обобщенно озаглавленный им «Петербургская фразеология». Здесь читатель найдет, кроме фразеологизмов-идиом в узко лингвистическом смысле слова, и пословицы, афоризмы, аббревиатуры, цитаты, каламбурные словосочетания, и просто слова с особым экспрессивным и образным потенциалом.

С чисто лингвистических позиций можно было бы упрекнуть автора за столь широкий «ассортимент» разнородного материала. Но наблюдательный читатель заметит, что такой широкий подход обусловлен самой описываемой в словаре материей: она настолько динамична и расплывчива, что ее приходится замыкать в столь же динамичные гуттаперчевые рамки. Иначе единство «сюжета» многих выражений, входящих в разряд фразеологии в широком смысле, было бы разорвано.

Один пример такого рода – смысловые и формальные перевоплощения старой, можно сказать «классической» пословицы о Петербурге – *Питер бока повытер, да и Москва бьет с носка*, смысл которой В. И. Даль в своих знаменитых «Пословицах русского народа» лапидарно определил так: «все дорого, убыточно». Н. А. Синдаловский любовно собрал максимально полную коллекцию вариантов этой пословицы, указав на их источники: *А кабы занесло вас в Питер, он бы вам бока повытер* – надпись на лубочной картинке 1812 г. «Старостиха Василиса», ставшая пословицей и относившаяся первоначально только к армии Наполеона; *Батюшка-Питер бока наши повытер, братцы-заводы унесли годы, а матушка-канавка и совсем доконала* – о тяжелой жизни рабочего люда в Петербурге (Канавка – Обводный канал, по берегам которого во второй половине XIX в. появилось множество промышленных предприятий); *Красный Питер бока Юденичу вытер* – поговорка родилась в 1919 г., после отпора, данного рабочими Петрограда попытке захвата города войсками белогвардейской армии под командованием Юденича; *Москва бьет с носка, а Питер бока повытер* – и в Петербурге, и в Москве живет не сладко; *Питер бока повытер, а в Москве толсто звонят, да тонко едят* – в Петербурге жизнь тяжела, а в Москве дорога; *Питер бока повытер, да и Москва бьет с носка* – жизнь в обеих столицах мало чем различается; *Попал бы ты в Питер, он бы тебе бока вытер* – о хвастунах и бездельниках; *Хорош город Питер, да бока вытер* – Петербург – город замечательный, но жить в нем трудно.

Еще более широка палитра пословиц и их вариантов, отражающих традиционное соперничество первой и второй столиц нашего государства – Москвы и Петербурга:

В Москве Бутырка, в Питере бутылка; В Москве воруют в домах, в Петербурге – на площадях; В Москве живут, как принято, а в Петербурге как должно; В Москве климат дрянь, в Петербурге еще хуже; В Москве Красная площадь, в Ленинграде – Москва на Красной площади; В Москве литераторы проживаются, а в Петербурге наживаются; В Москве место красит человека, в Петербурге – человек место; В Москве можно жить, а в Ленинграде стоит жить; В Москве не лезь в Бутырку, а в Питере в «бутылку»; В Москве пьют чай, в Петербурге – кофе; В Москве рубят, в Питер стружки летят; В Москве чихнут, в Ленинграде аспирином принимают; В Петербурге «пили кофий», а в Москве «гоняли

чай»; В Петербурге толще, чем в Москве; В Питер – по ветер, в Москву – по тоску; В Питере – герои, в Москве – шуты; В Питере пушка, которая стреляет каждый день, в Москве пушка, которая не стреляет никогда; В Питере Трепов треплет, в Москве Дубасов дубасит; Да здравствует Москва, и да погибнет Петербург; Если Москва ничего не делает, то Петербург делает ничего; Когда в Москве подстригают ногти, в Питере отрубают пальцы; Москва – голова России, Петербург ее легкие; Москва – девичья, Петербург – прихожая; Москва – женского рода, Петербург – мужского; Москва живет домами, Петербург – площадями; Москва – матушка, Петербург – бабушка; Москва – матушка, Петербург – отец; Москва невестится, Петербург женихается; Москва нужна России, для Петербурга нужна Россия; Москва от сердца, Петербург от головы; Москва отличается от Петербурга, как Растрелли от Церетели; Москва – сердце России, Питер – ум, а Нижний Новгород – тугой карман; Москва слезам не верит, но Питер бока повытер; Москва создана веками, Питер – миллионами; Москва только думает, а Петербург уже делает; Москве – торговать, Питеру – думать; Москвичи живут в своих квартирах, петербуржцы – в своем городе; Москву любят, о Петербурге рассуждают; Одним глазом в Москву, другим – в Питер; Отношения, напоминающие отношения Москвы и Петербурга (о напряженных отношениях); Петербург будит барабан, Москву – колокол; Питер – голова, Москва – сердце; Питер – город, Москва – огород; Питер женится, Москва замуж идет; Питер женится, Москву замуж берет; Питер Москве нос вытер; Питер строился рублями, Москва – веками; Питер – это вам не Москва; По дороге из Москвы в Петербург ночи становятся белее, а бордюр потихоньку превращается в поребрик; По дороге от Петербурга до Москвы переходишь границу Европы; По ком промахнется Москва, по тому попадет Питер; Славна Москва калачами, Петербург пиджаками; Славна Москва калачами, Петербург – сигами; Славна Москва калачами, Петербург усачами; Чем бы Москва не тешилась, лишь бы питерцы не плакали; Чтоб между Москвой и Петербургом никаких недоразумений типа Боллого; что питерцу хорошо, то москвичу смерть; Что сегодня в Петербурге, то завтра в Москве; Эдинбург не Лондон, как Питер не Москва...

Я специально представил этот внушительный ряд пословиц и поговорок о Петербурге и Москве в концентрированном виде, не приводя культурологических и исторических комментариев к ним Н. А. Синдаловского. Представил в надежде, что читатель книги заинтересуется той или иной такой пословицей и обратится к соответствующему месту словаря. Найдет такой заинтересованный читатель и пословицы и поговорки, характеризующие «горячие точки» нашего города – например, строительство дамбы, некогда ставшее яблоком раздора, а теперь доказавшее свою прагматическую оправданность:

Выжили в блокаде – умрем от дамбы? Дамба должна быть достроена! Дамба – болячка на опухшей от грязи Невской губе; С дамбой ли, без дамбы – все равно нам амба!

Обозревая это необозримое море петербургской фразеологии в широком ее понимании Н. А. Синдаловским, можно попытаться лингвистически «рассортировать» описываемые в этом словаре языковые единицы по «жанровым» группам. Предлагаю их следующую классификацию.

1. Фразеология в собственном смысле этого слова, т. е. идиоматика. Кроме нормативных, отраженных словарями устойчивых выражений типа риторической формы вопроса-упрека *А платит Пушкин будет?* сюда входит масса новых фразеологических характеристик человека и актуальных явлений петербургской жизни разных периодов: *(чисто) ладожский утопленник* – об исхудавшем, измученном человеке; *лох-невское чудовище* – об опустившемся, странном человеке; *василеостровский немец* – об аккуратных и трудолюбивых людях (в Петербурге в XVIII–XIX вв.); *мурзинская корюшка* – всякая несущественная мелочь; *где у вас люстра из костей Петра Великого?* – о чем-либо абсурдном; *до Петра –*

давно; как бы не попасть в траншею – блокадное выражение, формула опасения не получить право на индивидуальное захоронение, а быть зарытым в общей траншее и мн. др.

Сюда можно отнести и актуализированные трансформации известных выражений – например, *Выть причастным к литературе и не побывать в «Вене» – все равно, что быть в Риме и не увидеть папу Римского*, где «Вена» – любимый ресторан петербургских писателей конца XIX – начала XX в.

К фразеологии такого рода относятся и устойчивые перифразы, образованные пересмыслением (обычно шутливым) словосочетаний номинативного характера типа *гостинный вор* вместо *Гостинный двор* или *штурм Зимнего* – утренний туалет курсанта военного училища; *штурм прилавка*, чаще всего винно-водочного магазина; *вход в школу*.

2. Оценочные словосочетания-реплики – например:

Автово – это во! – формула самоутверждения жителей Автово, одного из жилых районов Петербурга; *артист с Мариинского подвала* – ироническая характеристика человека малоталантливого, но с большими претензиями (*Мариинский подвал* – подвал Мариинского театра); *В Бологом бордюром переходит в поребрик* – так москвичи и петербуржцы обозначают границу между двумя столицами.

3. Сравнения с актуальными петербургскими образами.

По ногам, как по Невскому; как по Невскому; дозвониться, как до Смольного; ехать в Африку, как будто в Парголово; как с Московского вокзала; застыл, как Медный всадник; стоишь, как Медный всадник; как в Эрмитаже; как петербургские проспекты; как у Берта на заводе; как у Семяникова на заводе, только труба пониже, да дым поживе; очевидно, как Александрийский столп; стоишь, как столп Александрийский; очиститься, как Нева; тёмен, как Ганнибал; смотреть, как Ленин на буржуазию; пить, как гусары; шумит, как Есенин в участке; крутится, как Белла в колесе (Белла Куркова, автор и ведущая программы Ленинградского телевидения «Пятое колесо») и др.

4. Крылатые слова и выражения. Многие из них приводятся в нормативном виде, ибо отражают реалии петербургского прошлого и настоящего:

Все мы вышли из гоголевской «Шинели» (Ф. М. Достоевский); *Умри, Денис, лучше не напишешь* (Д. И. Фонвизин); *Исторический путь – не тротуар Невского проспекта* (Н. Г. Чернышевский); *Ай, Моська! знать она сильна, что лает на слона!*; *По улицам слона водили; В Кунсткамере был, а слона не видал! слона не приметить* (И. А. Крылов).

За каждым из таких крылатых выражений нередко стоит конкретный исторический факт, отраженный тем или иным петербургским писателем. Так, последнее выражение из басни И. А. Крылова «Любопытный» – документальное свидетельство об экспонатах первого в России музея – Кунсткамеры, основанной Петром Первым (см.: *Мокиенко В. М.* Петербургская *Чудес палата* у И. А. Крылова / (комментарий к басне) // Петербургский дискурс: юбилейный сб. в честь проф. Дины Михайловны Поцепни. – СПб.: Издательский дом «Мир русского слова», 2013. – С. 151–167; *Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения. Словарь-справочник / Под общ. ред. К. П. Сидоренко. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Свое издательство, 2013).

Разумеется, Н. А. Синдаловский не упускает случая, чтобы продемонстрировать творческие преобразования известных крылатых выражений в речи петербуржцев:

Из тьмы лесов (карельских), из топей... блат вознесся пышно, горделиво – каламбур, основанный на известной пушкинской строке из пролога к «Медному всаднику», где *блат* – не древнерусское «болото», а жаргонный синоним знакомства, связей, используемых в личных целях; *Бедный всадник и медные люди* – каламбур, от названий поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» и повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди»; *Человек звучит горько*

– каламбур, придуманный Виктором Шкловским, где обыгрывается как имя Максима Горького, так и слова из его пьесы «На дне»: «Человек – это звучит гордо!».

5. Фразы-ошибки анекдотического рода из школьных сочинений, навеянные «классическими» реминисценциями:

Арина Родионовна очень любила маленького Сашу и перед сном читала ему сказки Пушкина; Петр Первый соскочил с пьедестала и побежал за Евгением, цокая копытами; Пушкин умер от руки диатеза; Суворов был неприхотлив и спал с простыми солдатами и под.

6. Лозунги и пародии на них:

Бизнесмены Киева и Петербурга! Создадим новую фирму «Собчук и Кравчак»! – издательский лозунг начала 1990-х гг; *Бьем гада у стен Ленинграда!*; *Бьемся на подступах к Ленинграду, прорываем блокаду;* *В большевистском Ленинграде псам фашистским не бывать* – военные лозунги, ставшие поговорками; *Городу-бойцу грязь не к лицу* – текст агитационного плаката во время блокады; *Лучше вуза в мире нет, чем наш славный Гидромет!* (т. е. Российский государственный гидрометеорологический университет); *Нужно ли «пятое колесо» русской телеге?* – лозунг правых на митинге, посвященном гласности в СМИ на Манежной пл. 26 апреля 1989 года («Пятое колесо» – передача Ленинградского телевидения).

7. Рекламные ролики, например:

В Петербурге толще, чем в Москве – реклама еженедельника «Коммерсантъ – Петербург» (в Москве эта «толстушка» издается на 16 страницах, в Петербурге – на 20); *Яйца Синявинские! Особо крупные! Дай Бог каждому!* – предпасхальная реклама продукции Синявинской птицефабрики.

8. Пословицы и их варианты.

Коллекция фольклора этого жанра в словаре представлена особенно богато. Она отражает разные стороны жизни Петербурга с момента его основания – например, опасность наводнений, нездоровый климат, белые ночи и т. п.:

Жди горя с моря, беды от воды; Где вода, там и беда; И царь воды не уймет; В Петербурге лучше родиться в плаще, чем в рубашке; В белом Петрограде ночи белые, люди бедные и тени их бледные; Все дороги ведут на 17-ю линию – т. е. на кладбище (имеется в виду Смоленское, на 17-й линии В. О.) и т. п.

Во множестве фиксирует Н. А. Синдаловский и шутивно иронические переделки традиционных русских пословиц, – называемых «анти-пословицы», ставшие особенно популярными в постперестроечный период (ср.: *Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа.* СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005). Практически все они так или иначе «сюжетно» привязаны к Петербургу, что повышает их экспрессивность и подчеркивает креативность тех, кто их запустил в оборот:

В Петербурге как в Петербурге; Увидеть Петербург и умереть! Язык до Киева доведет, а перо до Шлиссельбурга; По Петроодежке протягивай ножки (Петроодежка – Петроградский промшвейторг); Близко Ленинград, да не укусишь – пословица военного времени; *Видно птицу по полету, а гвардейца по усам* (в XIX в. ношение усов было исключительной привилегией гвардейских офицеров, которых особенно много было в Петербурге); *Ученье – свет, а неученье – Культпросвет* (Культпросвет здесь – факультет Института культуры им. Н. К. Крупской, ныне Академия культуры); *Ученье – свет, а неученье – факультет движенья* (т. е. факультет движения в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, ныне Университет путей сообщения); *Всяк сверчок плати в Петроток* (Петроток (1920-1930-е г.) – ныне Ленэнерго); *Отольются Москве невские слезки; Далеко Арапке до тряпки* (надпись к карикатуре, где изображен забор, на котором висят тряпки, а обозленная собака (Арапка) стоит на задних лапах, карабкается к лохмо-

тъям и никак не может их достать. Аллюзия на обер-полицмейстера Петербурга Трепова и Москвы – Арапова); *Курица не птица, движок не человек* (*Движок* – студент факультета движения в ЛИИЖТе, Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта); *Мой дом – моя крепость... Шлиссельбургская; Мой дом – моя... Петропавловская крепость; С милым рай и в шалаше... и без Ленина; С миру по нитке – Бродскому музей* (лозунг движения за выкуп квартиры Иосифа Бродского для создания музея поэта); *С миру по нотке – Дунаевскому орден; Менс сана ин квисисана* и мн. др.

9. Загадки с петербургскими аллюзиями:

Идет свинья из Гатчины, вся испачкана (о трубочисте); *В Москве играют, в Ленинграде пляшут* (о радио); *Три головы, два хвоста и шесть ног* (о памятнике Петру I на площади Декабристов); *В Москве сруб срубят, а в Питер стружки летят* (о письме); *Шел Кондрат в Ленинград* (строка из стихотворения-загадки К. И. Чуковского).

10. Слова в экспрессивно-образном переосмыслении:

Влиапать – поступить в ЛИАП (Ленинградский институт авиаприборостроения); *вломиться* – устроиться на работу в ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объединение); *зашушарить* – украсть, от названия железнодорожной станции Шушары, где на железнодорожной сортировочной горке безжалостно грабят и разворовывают товарные вагоны; *кроволуция* – революция; *ЗСП* – буквально: Зона свободного предпринимательства, об открытии которой в Петербурге ратовал мэр А. А. Собчак. Однако противники Собчака расшифровывали эту аббревиатуру иначе: *Зона Собчаковского Произвола*.

В этой группе немало и слов, образованных от имен собственных (ср.: *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. – М.; Донецк, 2006):

Дантесы – о людях, очерняющих талант или поднимающих на него руку; *ЗИНОВЬЕВ* – расшифровывается, как ответ Троцкому в связи с ленинской телеграммой: *Зачем Исчезать. Нужно Ограбить Все, Если Возможно*; *КУТУЗОВ* – о человеке, который всех обхитрил, проделав казавшийся невыгодным маневр. От фамилии фельдмаршала М. И. Кутузова, который, умело отступая, заманил французскую армию Наполеона вглубь России и тем самым погубил ее; *достаёвщина* – навязывание собственных рефлексий (контаминация глагола *доставать* и фамилии *Достоевский*; *достаевщинка* — разговор по душам до потери пульса) и т. п.

Предлагая читателю столь разнообразный и яркий языковой материал, Н. А. Синдаловский неумоимо ищет и образную подоплёку описываемых слов и выражений. Для многих из них такое объяснение превращается в развёрнутый рассказ об истории того или иного петербургского фольклоризма. Таковы, например, истории выражений *адмиральский час пробил, пора водку пить, лезть в бутылку, ломать итальянку* и под. При этом автор не скрывает возможностей различного прочтения такой истории. Вот типичный пример, почерпнутый автором из двухтомного собрания М. И. Михельсона «Русская мысль и речь», изданного в 1903 году:

КРОНШТАДТ ВИДЕН – о прозрачном слабом чае. Ср. *нем.* Blumchen thee – цветок на блюдечке (сквозь стакан виден). По одной из версий, это выражение восходит к появлению в обиходе чайных блюдечек с изображением видов Кронштадта. Когда на такое блюдечко ставили стакан со слабозаваренным чаем, изображение легко просматривалось сквозь прозрачную жидкость. Но петербургский фольклор связывает происхождение этого выражения с иными обстоятельствами. Рассказывали, что чай, предлагаемый пассажирам во время морского путешествия из Петербурга в Кронштадт, заваривался всего один раз, еще до отплытия, на столичной пристани, а во время двухчасового плавания в него подливали воду, отчего по мере приближения к острову чай становился все бледнее и бледнее, пока не превращался в слегка желтоватую жидкость, сквозь которую и в самом деле можно было увидеть Кронштадт (*Михельсон*, т. 1, с. 475; т. 2, с. 490).

Понимая, что довольно часто фольклорная история, связанная с тем или иным словом или выражением, может оказаться не истинно этимологической, научной, а народно-этимологической, «легендарной», Н. А. Синдаловский не отбрасывает такого материала, но добросовестно пересказывает его, ссылаясь на конкретный источник. Такого рода материал для нас, лингвистов, представляет особую ценность, ибо побуждает к поискам подлинно научной, доказуемой интерпретации. Вот несколько историко-этимологических версий такого рода.

«ПОД ГРЕБЕНКУ – строить быстро и много, так, как это делает архитектор Н. П. Гребенка, который построил многоэтажный доходный дом на углу Садовой и Гороховой ул. всего за два месяца».

Сопоставление с другими языками убедительно опровергает такое народно-этимологическое объяснение. Русскому *стричь / постричь всех под одну гребёнку*, «подгонять всех под один уровень» соответствуют немецкое *alles uher einen Kamm scheren*; шведское *skara alla over en kam* (стричь всех под одну гребёнку); датское *skære alle over en kam*, французское *tondre qn sur le peigne*. которые известны задолго до строительства петербургским архитектором Н. П. Гребенкой многоэтажного доходного дома на углу Садовой и Гороховой. В нашем словаре (Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. – Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. С. 164) мы доказываем, что это выражение – старый европеизм, известный и славянским языкам – например, бел. *стрыч (падстрыгаць) пад адну гребёнку*, укр. *стригти під одну гребінку, стригти під один гребінець* и т. д.

Столь же «легендарна» и связь всем известного шутового оборота *под мухой* с петербургским училищем имени Мухиной, излагаемая в словаре Н. А. Синдаловского:

«ПОД МУХОЙ – быть в легком подпитии; в переносном смысле: учиться в Художественно-промышленном училище им. Мухиной и быть под ее покровительством. По эскизам Мухиной будто бы изготавливались ходовые в советское время граненые стаканы и поллитровые пивные кружки».

Уже давно известный языковед академик В. В. Виноградов объяснил происхождение оборота *под мухой* на основе древнего мифологического представления о том, что мухи и другие насекомые, забравшись в рот зевающему человеку или спящему в нос или ухо, могут вызвать сумасшествие, в том числе и «сумасшествие добровольное» – опьянение. Языковые факты, изложенные нами в уже упомянутом словаре (С. 456) убедительно подтверждают такую трактовку. На этом фоне связь с петербургской «Мухой» – училищем имени Мухиной, конечно же, выглядит каламбуром или историческим анекдотом.

Не менее анекдотично и возведение русского выражения – восклицания *Ёлки-палки!* к переносу празднования Нового года с 1 сентября на 1 января Петром I и его повелением украшать дома хвойными ветками, или атрибуция нашего бранного оборота *Японский городской!* к эпизоду нападения японского городского на наследника престола Николая Александровича, будущего императора Николая II во время его посещения Японии в апреле 1891 г. Легко лингвистически доказать, что эти выражения – не что иное, как шуточные эвфемизмы известных русских ругательств. Такого же рода и народные этимологии выражений *метр с шапкой, почем фунт лиха? Всеволожские коты*, пословиц *Далеко кулику до Петрова дня* или слов типа *слоняться* – бродить без дела, таскаться, шляться (якобы образованного от названия Слоновой улицы), воспроизведённые Н. А. Синдаловским в словаре.

Признавая их псевдоэтимологичность, нельзя тем не менее отказать им в креативности, т. е. творческом потенциале, характерном вообще для любого жанра фольклора. Автор словаря бережно воспроизводит их именно как отражение духа народного творчества. Творчества петербуржцев, способного даже общенародное или общеевропейское язы-

ковое наследие ассоциативно увязать с родным и любимым городом. Н. А. Синдаловский, бережно и любовно собравший фольклорное богатство нашего Петербурга, может по праву называться Нестором его изустной истории.

В. М. Мокиенко, доктор филологических наук профессор кафедры славянской филологии СПбГУ почётный профессор Грайфсвальдского (Германия), и Оломоуцкого (Чехия) университетов, председатель фразеологической комиссии при Международном Комитете славистов

Предисловие автора к I-му изданию

Предлагаемое вниманию читателей издание является, по сути, первым словарем жаргонных слов и выражений, широко используемых петербуржцами в повседневной разговорной речи. Большая часть словаря состоит из неофициальных названий и имен, которые петербуржцы на протяжении трех веков давали городским объектам, персонажам и реалиям.

До недавнего времени такой языковой материал никем и никогда в Петербурге не собирався и не систематизировался. Прежде чем появилась идея создания этого словаря, автор больше двух десятилетий занимался поисками собственно петербургских жаргонных слов и выражений в дневниковых, мемуарных, бытописательских и других литературных источниках, просмотрел сотни подшивок газет и журналов. Много ценной информации удалось получить из передач радио и телевидения, а также из письменных и устных сообщений самих горожан, имена которых с благодарностью перечислены в конце словаря. В результате этой многолетней работы автор смог создать систематизированную картотеку городского фольклора, которая на сегодняшний день насчитывает больше 8000 единиц. Весь этот материал отличается одной особенностью: каждая его единица имеет точный архитектурный, топонимический, географический, исторический или иной петербургский адрес.

Словарь состоит из двух частей. В первую (алфавитную) часть вошли более 3100 неофициальных названий и наименований. Во вторую (тематическую) часть включены пословицы, поговорки, идиомы, крылатые слова и выражения и т. п. Словарные статьи, кроме толкования, содержат целый спектр вариантов наименований одного и того же объекта. По возможности в словарных статьях указаны происхождение того или иного названия или прозвища, а также время, а в некоторых случаях и место его употребления. Отсутствие временной пометы означает, что меткое слово или выражение живет и по сей день.

Словарь ни по форме, ни по своей сути не претендует на академичность. Ни автор, ни издательство такой задачи перед собой не ставили. Более того, нам хотелось, чтобы краткие комментарии к основному материалу, представляющему собой разговорную речь петербуржцев, по возможности также были живыми и красочными.

Долгое время официальная власть отказывала жаргонным словам и выражениям в праве на существование, пытаясь даже заменить общепринятый культурологический термин «низовая культура» уничижительным «низкая культура». Однако общественный интерес к городскому фольклору вообще и к народной микропонимике в частности преодолел косность официального мышления. В наше время актуальность темы городского фольклора, кажется, уже ни у кого не вызывает сомнений. В связи с этим автор надеется, что предлагаемый словарь будет интересен не только узким специалистам, но и самому широкому кругу петербуржцев.

Опыт работы над таким словарем для автора оказался первым. Трудности, с которыми он столкнулся, могли показаться непреодолимыми, если бы не помощь издательского коллектива и особенно редактора словаря Светланы Алексеевны Прохвятиловой, которая благодаря своим знаниям, опыту и терпению сделала все возможное, чтобы словарь принял свой нынешний вид.

Автор надеется, что это издание вызовет неподдельный интерес читателей, которые помогут в дальнейшей работе по дополнению, расширению и уточнению словаря.

Предисловие автора

Прошло более десяти лет со времени выхода в свет первого издания «Словаря петербуржца». Его два тиража давно исчезли с прилавков книжных магазинов, а о следующих тиражах не могло быть и речи, так как к тому времени издательство прекратило свое существование.

Между тем собрание петербургского фольклора постоянно пополнялось и за прошедшее десятилетие увеличилось чуть ли вдвое, составив на сегодняшний день картотеку, приближающуюся к 12 000 единиц. Значительную часть собрания составила петербургская фразеология. Понятно, что в сложившейся ситуации тиражировать издание словаря десятилетней давности не имело смысла. Пора было задуматься о новом, значительно расширенном и переработанном издании.

Особенно остро этот вопрос встал перед автором после появления в печати «Неформальной карты Питера», составленной Алексеем Ерофеевым и Владимиром Валдиным. Несмотря на исключительно уважительное отношение к составителям «Карты» и тот неподдельный интерес, который она вызвала у автора словаря, на который, кстати, они ссылаются в своей статье, надо признать, что эта работа вызывает сложные и неоднозначные чувства. Дело в том, что составители карты представили неформальную микротопонимику Петербурга не как часть мощного самоценного культурного пласта, к которому надо внимательно прислушиваться и изучать как свидетельство истории, а как некий лингвистический курьез, над которым можно снисходительно посмеяться в минуты отдыха или безделья. Этому ощущению предпослано даже соответствующее художественное оформление «Карты», выдержанное в желтоватом стиле легкого газетно-журнального трамвайного чтения. Конечно, и смеховой элемент культуры имеет право на существование, но, право, не как единственный. Ведь даже развлекательная культура предполагает такие противоположности, как серьезный юмор Аркадия Райкина и пошлый анекдот на последней странице воскресного выпуска желтой газеты. Составителям «Карты», похоже, ближе вторая часть этого единства. Такой подход, как нам кажется, обиден для города высокой культуры, составной частью которой является городской фольклор.

В предлагаемом читателю втором издании «Словаря петербуржца» представлено 5325 единиц, в том числе 3714 неофициальных названий и наименований, 478 бытующих в городском фольклоре прозвищ и кличек хорошо известных и менее известных петербуржцев, а также 1133 единицы пословиц, поговорок, идиом, аббревиатур, крылатых выражений, мнемонических правил и других фразеологических конструкций.

Все это вместе взятое представляет собой уникальный региональный язык Петербурга. Как всякий язык, он требует толкования, а зачастую и перевода на язык общепринятый. Кроме того, этимология фольклорного языка не всегда прозрачна и ясна для понимания. Иногда она требует тщательного выяснения, осмысления и разъяснения. И даже если эта этимология, согласно строгой классификации, вульгарная, то есть ненаучная, фольклорная, она все равно представляет бесспорную научную ценность, так как содержит в себе немалое количество исторической информации.

Нельзя сбрасывать со счета и то немаловажное обстоятельство, что богатство любого языка определяется не только количеством слов национального словаря, но и длиной синонимического ряда едва ли не каждой словарной единицы. Пожалуй, только синонимические ряды дают представление о красоте, яркости и выразительности языка. В этом смысле фольклор оказывает языку неоценимую услугу, поскольку, как правило, фольклорная лексика метафорична, а метафора украшает язык и расширяет его возможности.